

Sutton J. The Political Economy of Imprisonment in Affluent Western Democracies 1960–1990 // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. P. 170–189.

Tham H. Imprisonment and Inequality. Paper prepared for the 5 th Annual Conference of the European Society of Criminology Kraków, Aug. 31 – Sep. 3, 2005 (Working paper). Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2005.

Tonry M. Thinking about Crime. Sense and Sensibilities in American Penal Culture. New York: Oxford University Press, 2004.

Tyler T. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice: A Review of Research* / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. Vol. 30. P. 283–357.

van Dijk J. The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development Across the World. London: Sage Publications, 2008.

van Dijk J., van Kesteren J., Smit P. Criminal Victimization in International Perspective. Key Findings from the 2004–2005 ICVS and EU ICS. The Hague: Ministry of Justice, WODC, 2007.

Vogel J. Welfare Institutions and Inequality in the European Union: a Lesson for Developing Countries // *Poverty, Growth and Welfare in the World Economy in the 21 st Century* / ed. by F. Carlucci, F. Marzano Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt / M., New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2003.

von Hofer H. Prison Populations as Political Constructs: the Case of Finland, Holland and Sweden // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2003. Vol. 4. P. 21–38.

Wilkins L. Punishment, Crime and Market Forces. Aldershot: Dartmouth Publishing Company, 1991.

Zimring F., Johnson D. Public Opinion and the Governance of Punishment in Democratic Political Systems // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2006. May. Vol. 6005. P. 266–280.

Zimring F., Hawkins G., Kamin S. Punishment and Democracy. Three Strikes and You're Out in California. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Тапио Лаппи-Сеппала

PhD, директор Национального исследовательского института
правовой политики, Финляндия

электронная почта: tapio.lappi-seppala@om.fi

Перевод с англ. И. Ясавеева

ВОЗВРАЩЕНИЕ? (ПОСТ)ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ОПЫТ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН*

Е.Л. Омельченко, Г.А. Сабирова

Статья посвящена анализу постпенитенциарного опыта молодых женщин, бывших в тюремном заключении и имеющих намерение больше туда не возвращаться, с точки зрения выбора путей включения в социальную среду и складывающихся практик «возвращения» в контексте их истории жизни. В соответствии с нашим подходом, в основу которого положены принципы качественной методологии, возвращение из мест лишения свободы рассматривается прежде всего как составляющая часть жизненного опыта женщины. Такой подход, когда мы идем от понятий и опыта женщины, помогает нам наиболее глубоко понять специфику проблемы включения женщины в социальную среду после возвращения из заключения и переформулировать проблемы и задачи реинтеграции женщины.

Ключевые слова: адаптация бывших в заключении женщин, социальная политика, социальное исключение, биографическое исследование, тюрьма

Введение

Мировая общественность и исследователи все чаще подвергают сомнению тот факт, что тюрьма выполняет свою функцию как дисциплинарная карательно-репрессивная система наказания и исправления преступников – нарушителей закона. Во многих европейских странах система лишения свободы перетерпела несколько волн гуманизации: значительно сократился средний срок заключения, в некоторых странах

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 10–01–010 «Возвращение»: постпенитенциарный опыт молодых женщин, бывших в заключении, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2010–2012 годах.

матерей несовершеннолетних детей не заключают под стражу. Изменилась и концепция лишения свободы, которая сегодня определяется не как исправление, а как реабилитация, ресоциализация, реинтеграция, а сам метод работы с заключенными концептуализируется как «некарательное воздействие на преступников». А пока поиски альтернативных механизмов воздействия продолжают, число осужденных женщин в разных странах мира растет, а криминологи, психологи, социальные работники и педагоги решают вопросы постпенитенциарной работы.

На 1 января 2010 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 69,1 тыс. женщин, всего же в России 47 колоний, предназначенных для отбывания наказания женщин [Официальный сайт ФСИН]. Женщин, которых осуждают в первый раз, реже, чем мужчин, заключают под стражу. Но они не получают снисхождения, если преступление совершается во второй раз, тем более если это произошло в период условно-досрочного освобождения (УДО), отсюда большой процент рецидивных заключенных среди женщин, находящихся в колонии. Доля осужденных женщин за последнее десятилетие на самом деле растет [Осужденные... 2012], что не может не привлекать внимание, хотя в абсолютном значении это не тот масштаб, который должен вызывать моральную панику.

Но в аналитических текстах особенно акцентируется изменение структуры женской преступности (в сторону увеличения доли насильственных преступлений), подчеркивается феминизация преступности, которая представляется как угроза социальному благополучию общества. Исследования, обращающие внимание на индивидуальные криминологические характеристики женщины, вовлекаются в производство паники вокруг «падения морального облика женщины». Восприятие и концептуализация женской преступности и всего, что касается женской зоны, отличается дополнительными контекстуальными обстоятельствами. Если мужчина, преступивший закон, еще может быть окружен в бытовом сознании ореолом героизма, романтизации и жертвенности, то женщина не только наделяется исключительно негативными определениями, но ее «девиантность» еще больше акцентируется и усиливается. Женщина обвиняется не только (а иногда и не столько) в нарушении закона, но и в несоответствии гендерным ожиданиям и в отказе от «традиционных» женских ролей – матери, жены, хранительницы очага и так далее [Carlen, 2001].

В России есть еще и свой контекст «тюремного» вопроса – исторический, связанный с наследием традиций карательно-репрессивной системы ГУЛАГа [Иванова, 2006]; институциональный, описывающий настоящее положение дел в системе исполнения наказаний; социально-политический, характеризующий политику инклюзии социально-незащищенных слоев населения [Социальная политика... 2008] и общественное мнение, которое подвергает заключенных жесткой стигматизации [Ясавеев, 2010].

Работа с бывшими заключенными с точки зрения государственной политики имеет своей целью прежде всего предотвращение рецидива. Адаптация (в последнее время все чаще употребляется термин «ресоциализация») после освобождения из мест лишения свободы – тема многих юридических и психологических диссертаций. В эту систему сегодня включены педагоги, социальные работники и медики. Женщины после выходы из колонии сталкиваются с целым рядом проблем – это восстановление документов, поиск жилья, трудоустройство, налаживание отношений с родителями, восстановление прав на детей, а также психологическая адаптация и включение в социальные отношения. Вопрос реинтеграции в общество людей, выходящих из мест лишения свободы, – многоуровневый, многоаспектный, многосубъектный и многообъектный.

В России исследованиями осужденных женщин, криминологической характеристикой преступниц, факторами, влияющими на преступность и ресоциализацию после освобождения занимаются больше криминологи [Антоян, 1992], психологи, педагоги и лишь в последнее время – социальные работники. В своей работе они нередко прибегают к анкетным опросам, которые, однако, нацелены на решение очень конкретных дисциплинарных прикладных задач. Современная повседневность женских колоний и тюрем чаще остается без внимания. Социологические или культурологические работы по тюремному быту и повседневности в принципе немногочисленны [Олейник, 2001; Маколи, 2008], исследований, репрезентирующих женщин-осужденных, еще меньше [Женщины в российской тюрьме... 2000; Альперн, 2004; Тищенко, 2007]¹. В сложившейся отечественной академической традиции исследований женской преступности и постпенитенциарной реабилитации выделяются три дискурса: медицинский, психологический и криминологический. И везде женщина рассматривается как патология, не способная себя контролировать и проявляющая характеристики «исконно не свойственные женщине». Криминологический дискурс о женской преступности является на сегодняшний день оплотом авторизованного поддержания гендерной стереотипизации и производства моральных ожиданий и обвинений по отношению к женщине. Соответственно, комплекс социальных явлений, которые формируют личность женщины-преступницы, определяется в терминах психологической/медицинской патологии или через понятия неблагополучия, девиации, асоциальности.

За рубежом существует целая традиция социальных исследований о тюрьме – как анкетных, так и этнографических [Ле Кен, 2009]. В классичес-

¹ Пожалуй, одним из источников данных могут служить регулярно проводящаяся специальная перепись осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей, в ноябре 2009 года прошла восьмая такая перепись [Осужденные... 2012]. Первая перепись была проведена в 1926 году. 78 из 82 вопросов переписного листа заполняется из документальных источников (три вопроса заполняются со слов осужденного/ой) на каждого десятого осужденного мужчину и каждую вторую женщину.

ких исследованиях тюремный опыт предстает как «мучение», «боль» (pains of imprisonment), основанием для возникновения которых являются нереализованные импортированные идентичности (imported identities) [Sykes, 1958], а именно, традиционные женские роли (матери, жены и так далее). В 1970-х годах с появлением классических работ М. Фуко [Фуко, 1999] исследовательский фокус переместился на изучение властных режимов в колониях, которые показали, что в женских тюрьмах режимы содержания менее строгие с точки зрения наказания, но там более жесткие правила наблюдения и вынуждения к следованию нормативным моделям женственности [Howe, 1994]. Большим достижением феминисток-исследовательниц женской колонии стало возвращение внимания к значению индивидуального опыта. Сегодня феминистский подход подвергается критике, потому что он не учитывает специфику рискованных практик и ответственность, которую берет на себя нарушительница закона, а также не учитывает долговременные последствия тюремного заключения. В 2000-х годах появились работы, которые на первое место ставят влияние на социальные отношения женщин в заключении институциональных характеристик, а именно, наркокультуры или страха насилия [Kruttschnitt, Gartner, 2005]. В новейших работах развивается критическая дискуссия, в которой проблематизируются классические концепции, а на передний план выходят не социальные отношения женщин в колонии, а такие факторы успешной реинтеграции женщин как характер и степень субъективации и политики макросоциальных институтов.

Эмпирическую базу исследования составили материалы биографических интервью с молодыми женщинами от 20 до 35 лет, имеющими опыт заключения, уже интегрированных или стремящихся к этому. Внимание преимущественно именно к этой возрастной группе не случайно. Для нас важно было понять, как опыт преступления, осуждения и пребывания в заключении влияет на женщин в начале жизненного пути, как столь пограничное жизненное испытание вписывается в их последующую биографию, профессиональную и женскую карьеру, с чем связаны рецидивы, почему именно среди молодых женщин, по мнению криминологов, высок процент повторного совершения преступления. Особое внимание в исследовании уделялось вопросам – насколько сами женщины готовы вернуться к жизни на воле, на какие ресурсы и сети, на чью помощь и поддержку они рассчитывают, насколько развита инфраструктура ресоциализации в России и готова ли принять всех или происходит селекция. Эти и другие темы тестировались в ходе интервью не только с участвующими в них женщинами, но и с экспертами.

Исследование проводилось в четырех городах России: Санкт-Петербурге, Ульяновске, Нижнем Новгороде и Саратове¹. Выбор как столич-

ных, так и провинциальных городов определялся исследовательскими гипотезами о том, что разные локации с их специфическими рынками труда, возможностями для криминальной активности, существующими доступными структурами социальной защиты и реабилитации заключенных, будут сказываться на опытах возвращения. Всего было взято 33 интервью с женщинами, осужденными по разным статьям (распространение наркотиков, кража, мошенничество, убийство), оказавшимися в заключении первый раз или повторно, освободившимися в течение последних трех-пяти лет. Кто-то из них уже успешно адаптируется после освобождения, некоторые так и остаются пока в группе риска. Более половины информанток имели опыт употребления тяжелых наркотиков, были и женщины, инфицированные ВИЧ, больные гепатитом и туберкулезом. С пятью женщинами дополнительно были проведены повторные интервью с интервалом в полгода, чтобы проследить динамику их планов, установок, ожиданий, включения в социальную среду после освобождения из мест заключения. Рекрутинг осуществлялся преимущественно через личные контакты исследователей, а также методом «снежного кома», следуя логике социальных и личных сетей самих информанток. Кроме того, определенную помощь при проведении интервью оказали органы социальной защиты, психологи и социальные работники, включенные в различные проекты реабилитации заключенных¹.

Для более полного раскрытия темы исследования и понимания самого поля реабилитации было проведено десять экспертных интервью с сотрудниками кризисных центров для бывших заключенных, представителями социальных служб, врачами, психологами, социальными работниками, сотрудниками правоохранительных органов – всеми, кто в силу своей профессиональной деятельности включен в различные программы реабилитации и адаптации женщин, освободившихся из заключения.

В данной работе мы опираемся на феноменологический подход в анализе постпенитенциарного опыта, на первый план в котором выходят вопросы производства, репрезентации и перевода индивидуальных смыслов. Этот подход в духе понимающей социологии предполагает погружение в жизненный мир [Шюц, 2004] женщины через эмоциональную эмпатию, сопереживание и интерпретативный анализ историй, которые были получены в ходе глубинных биографических интервью.

Исследования индивидуальных смыслов, субъектности, идентичности женщины-преступницы немногочисленны, вероятно, и в силу ряда методологических проблем. Работа с нарративом женщины, которую легитимные институты маркировали как асоциальную, и презентация результатов таит в себе ряд подводных камней. Это связано как со стигматизированным образом женщины, так и со спецификой криминального опыта, который с трудом

¹ К участию в проекте были приглашены профессиональные исследователи, которые проводили биографические и экспертные интервью: Гюзель Сабирова, Наталья Гончарова, Альбина Гарифзянова, Инна Горбунова, Андрей Леванов.

¹ Дополнительную помощь в рекрутинге оказали Андрей Амиров (Нижний Новгород), Виктория Федоренко (Санкт-Петербург), Елена Барябина (Саратов).

поддается экспликации и рефлексруется по заданным обществом канонам. Этот нарративный материал, как никакой другой, вызывает методологические вопросы качественного анализа: насколько этому тексту можно доверять как источнику информации и интерпретации. Очевидно, что записанные истории требовали многослойного анализа, который этап за этапом снимает слои смысла текста. Выработка навыка распознавания мифологем, оправдательных схем, нарративных идентичностей помогает увидеть новый пласт текста. Но важно при этом, не терять доверительных отношений с материалом, как и оставить надежду на то, что когда-нибудь этот опыт будет окончательно понят и объяснен, как, впрочем, и любой другой.

Чем ценен такой подход для прикладных задач реинтеграции женщин? Во-первых, он помогает пересмотреть дилемму возложения ответственности за эффективную адаптацию на саму женщину или на социальные институты. «Возвращение» рассматривается сквозь призму индивидуального опыта со всем многообразием ситуаций, где успешность результата и процесса определяются индивидуальными критериями, как и сами этапы адаптации выделяются индивидуальным образом. Во-вторых, такой подход помогает представить опыт женщины в целостности, а сегодняшний день как момент истории жизни, а не только пенитенциарного опыта. Все эти вопросы тесным образом связаны с постпенитенциарной политикой, главной целью которой является предупреждение рецидива путем оптимальной реинтеграции/ресоциализации/реабилитации.

В данной статье представлена лишь небольшая часть исследования — индивидуальные смыслы переживания опыта «перехода», а именно «выхода» *Оттуда* (из колонии) и «вхождения» в *Эту жизнь*. Акцент будет сделан на пространственном и временном маркировании границ *Там* и *Здесь*; прерывности и прерывании опыта, дефиците и утилизации навыков; стратегии поиска «своего места».

Феноменология освобождения из заключения

В исследованиях по адаптации женщин после заключения пишут об онтологической неуверенности бывших заключенных, которая выражается в вопросе: что дальше? Эта неуверенность концептуализируется как следствие травмы, боли переживания заключения, центральным моментом которого является проявление дисциплинирующей власти и лишение свободы, а также как маркер асоциальности и делинквентности женщины, чаще ее несостоятельности в самоорганизации жизни. То есть с одной стороны, женщина предстает как жертва, а с другой — как «недосубъект». Колония представляется средой, которая вне «социального», а также «человеческого» или «морального». Опыт нашей работы показывает, что колония (в особенности российская) не так далека от реалий общества, а во многом зеркально отражает все то, что происходит «по эту сторону» решетки. Несомненно,

заключение — это экстраординарный опыт насилия для человека, но оно не лишено и не свободно как от социального, так и от «человеческого». Позиционирование себя по отношению к другим, выстраивание и рефлексия своей позиции, проявление и ожидание человечности — можно встретить одинаково по обе стороны решетки, в колонии, возможно, чуть больше в силу плотности физического и эмоционального контакта.

Цена УДО

Достойный образ морального Я предполагает сохранение своего лица в колонии. Во многих случаях при положительной характеристике осужденные имеют возможность выйти раньше назначенного судом срока по правилам УДО. Но сегодня УДО ассоциируется с доношением, очковитательством, формализмом, поэтому можно сделать выбор — не участвовать в этом. Есть и альтернативный способ «заработать» характеристику и «уважение» — отличиться в труде:

Я вообще воспитывалась как бы старыми зеками. Всегда, вот эта категория урок, как мы их называем, осужденных, вот именно старой закладки, никогда не освобождаются по УДО, им вот сейчас по 60 лет. Раньше было, ну, как бы так не делали раньше. И вот, вот эти мои друзья, они мне с детства рассказывали какие-то понятия, какие-то правила, которые не могут не быть. Всегда мне казалось, что никого нельзя сдавать. А я приехала туда, просто в эту красную пожарную машину, зону, я поняла, сдай ближнего своего, чтобы не сдали тебя, тебе еще и руку пожмут. То есть это было вполне нормально, и этого никто не скрывал. Могли позвонить прямо из галеры в милицию и сказать, вот у нас на галере дерутся. Вот так я стояла и смотрела на это все. Ну, как бы я, в моей жизни ничего не поменялось. Я сказала, я не буду жить, как вы, для меня это все чуждо. Я не принимаю ваших правил, и я добилась того, что мне не предлагали стучать, ничего, я тупо работала и меня уважали за то, что я работаю (Нина¹, 27 лет).

Типичной нарративной формой в интервью является суждение о том, что люди в колонии становятся другими: с одной стороны, «наивными и доверчивыми» (как обратная сторона потребности в близких отношениях в условиях изоляции и ограничения), а с другой — жестокими. И если первое на воле исчезает, то второе — остается. Граница между *Здесь* и *Там* определяет географию моральных превращений. А сама дата выхода становится результатом не только индивидуальных усилий и желаний, но и фактом внутренних моральных решений.

Освобождение не в первый раз

Сам момент выхода, как и положено событиям «перехода» из одного состояния в другое, обставляется ритуалами. Обитатели колонии живут в режи-

¹ Здесь и далее используются псевдонимы.

ме «встреч – проводов – встреч». Но для тех, кто не в первый раз «выпускается» – это уже не всегда праздник, а что-то предсказуемое. Они скептически относятся и к прощаниям с другими, и к событию своего освобождения:

Раньше это было интересно, весело. *Поскольку, это уже пройдено* (курсив наш. – Авт.), ну, для меня в данный момент, то мне наоборот очень грустно прощаться с людьми, то есть я накануне стараюсь встречаться, да, вот с человеком, который симпатичен и как обычно приходишь, говоришь: «Удачи, держись, будь молодцом, все. Провожать тебя не пойду. Все, пока, счастливо. Будет возможность, напиши, позвони». Все же знают, что ты остаешься. Если человек захочет, он, естественно, напишет там какое-то письмо, вот. И все. *Раньше, конечно, первый срок*, мы все садились там, кофе, там еще что-то, там какое-нибудь угощение, такое простенькое, и вот тоже полночки там посидишь втихаря, с ними потусуешь, ну, и все, разбегались, как бы вслед помахали. *А сейчас я уже стараюсь не махать*. Это уже сколько я вижу на моих глазах, допустим, даже освободились, приехали, тут же моментом, освободились, да ну тебя на фиг, провожать. Просто говорю: «Я тебя даже провожать не буду. Главное, не балуйся». Все.

Интервьюер: И ты тоже не устраивала таких проводов для себя?

Устраивала, потому что там люди такие были, с кем мы так или иначе сталкивались и как бы это более в шуточную такую форму: «Соня, ладно, хоть неделечку продержишься?». Я: «Продержусь». Так, чисто хотелось просто людям как-то поднять, может, настроение. Ну, лишний повод посидеть вместе, поприкалываться уже *не на местные темы поговорить, а как-то вот уже посмеяться*. Я говорю: «Надеюсь, я, может быть, две недели продержусь», там либо еще что-то. Они: «Ну, смотри аккуратнее, а то сейчас уже в (название колонии) не привозят, там далеко, надо ехать в (название другой колонии)» (Соня, 30 лет).

Граница между *Там* и *Здесь* перестает быть торжественной и эксклюзивной, как это бывает, когда ее пересекают в одном направлении лишь единожды, а скорее, превращается в почти обыденное курсирование «туда-сюда». Это, опривычивание снимает онтологическое разделение жизни на до и после заключения. Заключение становится фактом жизни, особенным, выделяющимся на фоне остального, но все-таки наравне с другими.

«Они все ждут...»

Освобождение дискурсивно нагружено ожиданиями по отношению к женщине со стороны разного рода институтов и авторитетов. Одни прогнозируют быстрый возврат в колонию, другие всячески конструируют адаптацию и нормализацию. В этих условиях и выстраивают траекторию своего выживания женщины. В повествованиях женщин это, скорее, не поступательная и пошаговая программа, а история побед и срывов, быстрого продвижения, а потом длительной паузы. Работа, родители, дети – это три самых важных позитивных элемента этой истории:

Я, на самом деле, даже когда из колонии выходила, я не знала, буду колоться или нет. Мне очень не хотелось, но уверенности в том, что будет именно так, не было. Она появилась в тот момент, когда я вышла, *когда я переступила тот барьер* (курсив наш. – Авт.), когда я плакала, хотела обратно, хотела уколоться, я поняла, что пора мстить, рожать детей. ...Стабильности хочется, быть уверенной в завтрашнем дне, хочу знать, что у меня будет работа, мама, папа, что если даже мама уволится с работы, мы не умрем с голоду, что я сама смогу заработать. Сейчас настал такой момент в жизни, когда тебе надо помогать родителям, а не мне просить помощи (Инна, 30 лет).

Самопрограммирование на изменение, другую жизнь выстраивается зачастую не только по отношению к «тюремному опыту», но и к тому, что было до заключения – к *Той* жизни. То есть фактически это ситуация двойного перехода, что еще более проблематично. Переживание момента выхода может длиться во времени, а осознание момента наступает позже:

...Я понимаю, что *оступиться и вернуться* (курсив наш. – Авт.) к той жизни легко. Для меня вернуться к той жизни, самое легкое. Мне кажется, что сейчас очень много людей, которые меня ждут, столько людей, которые видели тот мой выход, возвращалась к той жизни, хотя наркотиков-то в моей жизни мало, больше тюрьма, наверное, в общей сложности я употребляла наркотики года три с половиной. Мне хочется, чтобы они все обломались, хочется всем им утереть нос. ...Они все ждут, что я побегу, только время пройдет. Но уже не пройдет, потому что другие планы... (Наташа, 30 лет).

Социальное окружение

После освобождения женщина прощается со своими подругами в колонии и «выходит» в *Эту* жизнь. Предполагается, что она должна интегрироваться в новое позитивное социальное окружение. Это «переключение» социальной среды постулируется как одно из самых главных условий интеграции женщины. Но в историях женщин такие факты встречались нечасто. Конечно, мы не можем говорить о репрезентативности, но исходя из того, что наши собеседницы относятся к той части бывших в местах лишения свободы, которая настроена на «изменение» своей жизни, можно предположить, что среди остальных ситуация обстоит еще хуже. «Нормальные» подруги остаются далеко в прошлом:

У меня были подруги, одноклассницы, они сейчас имеют магазины, все, от меня все отвернулись из-за наркотиков. Из-за наркотиков, из-за тюрьмы. Сейчас я не буду напрашиваться к их общению. Ни одна не приехала, даже не позвонила. Там увидят меня, привет, привет, не пригласят в гости, ничего, брезгливо относятся к этому. Вот это обидно. А я была раньше когда-то, девчонкой, я была выше всех, меня всегда баловали бабушка с дедом, одевалась лучше всех. А сейчас они все такие и на меня смотрят свысока, я для них зечка. Нет общения. Как-то сейчас с молодыми дев-

чонками общаюсь сейчас, кому 20 лет, кому 18 лет, вот с такими в основном общаюсь. Мне с ними даже интересней как-то (Наташа, 30 лет).

Чаще всего из близких рядом остается мама. Мама навещает женщин в тюрьме, они же поддерживают и после. Но так происходит не всегда, особенно если в прошлом были наркотики или в родительской семье злоупотребляют алкоголем. Часто после выхода из тюрьмы женщины оказываются в окружении своих старых (неблагополучных) знакомых или новых, работающих в колонии. Они могут рассматриваться женщинами как угроза, но обычно они становятся единственной поддержкой на воле.

Работа по формированию своего нового образа в рамках постнаркотического проекта подразумевает для Леры дистанцирование от «старых друзей»:

А сюда я вернулась, я, конечно, встретила старых друзей и сказала: «Ко мне не заходить. Вообще. Ни под каким предлогом». А так как они знают, что я бываю, ну, очень резка, очень жестка и резка, поэтому лучше не приходить. Я сказала: «Все, наркотики – это не мое. Я – за другой образ жизни и вообще» (Лера, 31 год).

Работают, как выясняется, сети тех женщин, кто в той или иной мере настроен изменить свою жизнь. Это сообщества разделенного опыта, да и поддержка бывает нужна в необычных ситуациях и по нестандартным поводам:

Позвонила, говорит: «Все, Лера, хоть в окно выкидывайся». Я позвонила в центр, они приехали за ней, договорились с больницей, ее без очереди положили в больницу, она там переломалась, всё, встала на ноги, сейчас работает, всё нормально. Вот не знаю, сейчас опять этот кеке ее освободился, как бы он ее не утянул... ну, вот вчера она звонила, говорит: «Я от него ушла, нашла другого мужичку». Но ей, я не знаю, ей, конечно, проблематично, почему она постоянно жила с этим, потому что он ее заразил ВИЧ, и она боялась, что она не найдет другого человека, который согласится с ней вот жить с таким заболеванием. И от первого брака у нее, она была замужем, 14-летняя дочь. ...Да, ну, ей вот тяжело на этом фоне, она зависима от заболевания. Я говорю: «Ты пойми, что много людей в жизни живут нормальной жизнью, рожают нормальных детей, и уделяют внимание здоровью, а не наркотикам». Вот, я теперь – жизнь против наркотиков (Лера, 31 год).

Но и такие сети оказываются не такими надежными и стабильными:

А иногда даже получается, вот ты, действительно, думаешь, что очень хорошо к этому человеку относишься, а когда ты встречаешься с ним на воле, реально понимаешь, что этот человек не тот, кем был там. (курсив наш. – Авт.). Как бы и тогда уже получается по-другому, ты совершенно уже другой человек, не тот, который был там (Ирина, 30 лет).

В этой среде много людей, отбывших наказание в местах лишения свободы, в том числе и среди партнеров-мужчин. В одном случае молодая женщина смогла устроиться на работу на предприятие, которое организовал

бывший заключенный и где можно было не скрывать свое прошлое. Позднее она устроила туда своих освободившихся подруг. Но это предприятие просуществовало недолго, не выдержав финансового кризиса.

Цвет, вкус, звук, повседневность

Сам момент выхода из колонии означает смену парадигмы повседневности с одной на другую. Нельзя сказать, что *Эта* жизнь совершенно незнакома, просто она состоит из множества цветов, предметов, действий, вкусов, которые в колонии отсутствуют. Поэтому выход на волю сопряжен с экзистенциальным (ре)открытием самых простых (ностальгических и рутинных) моментов. Так, осознание «выхода» происходит постепенно, пошагово, причем оно связано и с телесными переживаниями:

Я не поняла даже, когда за плюз вышла, в вольной одежде (курсив наш. – Авт.), я смотрю, Ленка меня встречает, я кричу – «рыжая, забери меня отсюда!». Мне сейчас кажется, что за мной выйдут и затащат обратно. Я в машину села, она мне банку джина скорее протягивает, какой-то мальчик ее встречает, друг, мне цветы, а я ничего не понимаю. Помню, я пришла в себя, когда я взяла трубку сотового в руки, вот тогда я посмотрела, мама, маму она мне набирает. Я говорю, мама я освободилась, и я еду к Ленке, мама плачет, и я начинаю плакать. И я вот тогда поняла, что я на свободе, когда я почувствовала вкус Red Devil, мама плачет в трубку, я кричу: «Приезжайте, я поехала к рыжей!..» (Нина, 27 лет).

«Выход» обозначает переход границ пространства и времени. В *Этой* жизни пространственно-временные показатели принципиально отличаются. Время становится своего рода пространственным мерилем удаления от *Той* жизни и от колонии. Время – то, что отдаляет, но и то, что связывает прошлое и настоящее.

«Изменение» выглядит проблематичным на фоне как *Той* (дотюремной) жизни, так и тюремного опыта, особенно для тех, для кого это не первая отсидка. После всего, что привело в тюрьму, после пережитого ужаса первого заключения, после других серьезных жизненных потрясений (наркотики, ВИЧ), возвращение в колонию может стать возвращением «домой». Это место, где тебя знают и где можно найти свое место, чего нельзя сказать об *Этой* жизни:

Ну, у меня в этот раз (во второй) вообще не было проблем. Я ехала туда, как домой. Меня там все знали. То есть, поскольку я такой живчик, живчик, меня знали даже те, кто... Ну, вот я когда сейчас заехала вот на зону, меня знали какие-то люди, о которых я даже не знала. Они говорят: «А мы помним, ты там бегала». Чего, как, где бегала, ну, непонятно. И как-то меня сразу определили в строители, то есть уже все меня помнят, все меня знают (курсив наш. – Авт.), время-то прошло не очень много. Со старенькими я не общалась, ну, даже они мне привет, привет, пока, пока, то есть как-то так.

Интервьюер: То есть ты была строителем, да?.. В принципе, неплохая специальность, сейчас можно и деньги заработать.

Могла бы, а кто меня возьмет в строители? Вот кто? Ну, вот я приду с улицы, да, в какую-то фирму. То есть, в принципе, как такового образования у меня нет, но я же не приду в какую-нибудь фирму и не скажу: «Вот вы знаете, у меня был опыт там в жизни, я работала строителем, вроде, у меня все получается хорошо. Возьмите меня, пожалуйста». Никто не возьмет (Соня, 30 лет).

«Выход» также означает принципиальную смену ощущения пространства. Ситуация, когда люди «вплотную» (см. цитату ниже) взаимодействуют, создает предпосылки для плотной коммуникации, интенсивного эмоционального обмена, для тесного знакомства с каждым. Кроме того, в гомосоциальной среде заключенных все понятны друг другу. Мир «освобожденных» – другой, интересы людей уже могут быть разными, а значит, непредсказуемыми, поэтому часто освободившимся кажется, что «все у тебя не так», и непонятно «зачем вышла». Так это представляется в рассказе Инны:

А там как бы ты не злился и не ругался, там все равно *вы вплотную* (курсив наш. – Авт.), сегодня ты с ней подрался, а через неделю ты с ней сядешь есть с одной тарелки. Ты не знаешь, как завтрашний день повернется, но ты знаешь, какому человеку ты можешь довериться, а какому не можешь. У нас там одинаковые интересы, нам кажется, что здесь нас не понимают вообще, даже те, с кем ты общался, что *у тебя все не так*. ...Подружка, которая меня ждала, ко мне ходила, мне казалось, что она меня не понимает, хотя разница у нас 3 месяца в освобождении. Уже взгляды меняются... Да, она уже смотрит как освобожденный человек. Так же и я, когда мне звонят, я не понимаю, я пытаюсь успокоить, но помню, как мне было плохо, когда я вышла, как я лежала на диване, думала, что не нужна никому, кроме мамы, не понимала, зачем я вышла. Все как-то... тебе кажется, куда ты не пойдешь, везде перед тобой закрыты двери (Инна, 30 лет).

За время пребывания в колонии (а оно может быть длительным) женщина приобретает новые социальные компетенции – коммуникативные, личностные, профессиональные. Но редко эти навыки являются залогом успешного решения проблем после «выхода». Время, проведенное в заключении, формирует рутинизированную повседневность, в которой выстроены определенный список навыков, качеств, знаний и умений. Повторяющиеся изо дня в день, они закрепляются. После освобождения женщины не только должны вернуть память о вытесненном, но обучиться заново многим навыкам. Коммуникационные и компьютерные технологии развиваются стремительно, и вышедший на волю человек сталкивается с целым рядом новинок. Длительное заключение делает этот провал в технологических компетенциях еще сильнее, а «возвращение» еще более проблематичным, углубляя ощущение онтологической чуждости в *Этой* жизни:

Да я одна доехала до какого-то метро, спрашиваю людей: «Скажите, пожалуйста, где автомат по монете». Мне говорят: «Посмотрите в метро». Хожу вокруг метро, ничего найти не могу. Подхожу к милиционеру, говорю: «Скажите, пожалуйста, автомат по монеткам...». Он говорит: «Такие уже давно сняли». Я как бы – почему, мне эти автоматы нужны были. Тут у всех телефоны и все (Яна, 30 лет).

[рассказывает о своей подруге на зоне] Какие-то мелочи, ну, она даже не знает, что такое флеш-карта, она у меня перед освобождением заплакала, ей говорят: «Ты, что – дура, не знаешь, что такое флешка?» Я выгнала всех из бытовки, просто выгнала. Я ее успокоила, объяснила, что такое флешка, как бы она, я знаю, что такое флешка, она ушла, они у меня все просто так получили. Я сказала, если еще кто-нибудь будет смеяться над Ивановой, то я вам такое устрою, вы у меня узнаете... (Лиза, 27 лет).

Помимо технических навыков и умений, есть и другой момент переключения рутины – это привыкание к новому ощущению пространства и времени. То есть сначала надо было привыкнуть к повседневности колонии, а затем – обратно. И в *Этом*, и в *Том* мире не сразу понятно, что и как делать:

Первый, конечно, очень жутко, очень страшно мне было. Ну, в принципе, как, не то что страшно, а вообще я такой человек – не люблю вот этой суеты, большое скопление, масса, вот эта масса. Когда меня поселили в эту массу вообще в общую, естественно, я ничего не понимаю. Я даже не понимаю, что нужно делать. Мне кто-то что-то сказал, ну, тот сказал, этот. Вот со стороны посыпались эти советы: делай это, делай то, да... Я в колонии вообще старалась ни секунды, допустим, не расслабляться, постоянно в движении, постоянно какие-то дела находятся, чтобы, действительно, не валяться, в потолок не плевать, а здесь мне из-за этого тяжело. У меня какой-то расслабон такой получается. И мне даже одно время хотелось схать, искала из каких-то сложных таких работ, ну, чтобы все время было у меня забито (Соня, 30 лет).

Переключение рутины связано с поиском новых ступенек и оснований для того, чтобы в жизни появились новые смыслы. Таких возможностей немного и звучат они так: найти работу или родить ребенка.

Ну, я как бы все это решаю потихонечку. Справка из тюрьмы должна прийти, с зоны, что я там три года на учете стояла, чтоб пораньше меня сняли. Потому что я на права хочу сдать все-таки. *Более-менее начать налаживать жизнь* (курсив наш. – Авт.). Сейчас потихонечку, мелкими шагами, *работа официальная, это уже многое* (Нина, 27 лет).

Я уже и мужа не хочу, просто родить ребенка, но я понимаю, что это тяжело. И даже если получится такой вариант, я согласна на такое, чтобы жить ради кого-то, я понимаю, что родители скоро умрут, а жить, чтобы жить, не хочется. *Я думаю, если родить, то все изменится* (курсив наш. – Авт.) (Инна, 30 лет).

Стигма

Успешная реализация проекта по «изменению себя» предполагает «переключение» своей идентичности, которое включает вытеснение/стирание своего криминального прошлого из биографии. Это может быть связано не только с внутренней трансформацией, но и с преодолением высокой степени стигматизации женщины, бывшей в заключении, в обществе. Задача заключается в том, чтобы сделать себя «нераспознаваемой». Это подразумевает, прежде всего, работу над внешним видом. Самая дорогая составляющая решения этой задачи является протезирование зубов (в колониях их часто просто вырывают), которыми все занимаются сразу по выходу или при возникновении первой возможности:

Интервьюер: А в коллективе никто не знает?

Нет, только девочка, которая тоже освободилась. Они все понимали, я говорила, что приехала из другого города, что мы разошлись с Сергеем. Они же понимают, что лето, а я бледная и неадекватная (курсив наш. – Авт.), они понимают, что *компьютера у меня нет, в Контакте я ничего не понимаю*. Так, получается, что мы разошлись, я приехала, с собой ничего не забирала, проще всем. Так же я и Оле сказала, я начинаю все с нуля, все покупки с нуля. Так проще, потому что они сегодня отреагируют так, завтра у них другое настроение, они отреагируют по-другому. Может, кто-то и догадывается, сейчас мне сделали зубы, *по внешности вообще не скажешь, что я сидела, кололась*. ... У меня до сих пор проблемы, я комплекую, что в 30 лет я зуб передний не могу сделать. Может кто-то и не замечает, но так во всем, в одежде... ты не можешь пока этого позволить (Лера, 31 год).

Помимо внешнего вида, есть и другие обстоятельства, с которыми надо что-то делать для того, чтобы не быть опознанным и привести свой образ и свою историю жизни в норму. В частности, это – пробелы биографии, времени, которое ушло на наркотическое беспамятство или которое женщина была в заключении. А если это был не один год, то заполнять этот биографический пробел – непростая задача. Неизбежно женщины сталкиваются с этой проблемой при трудоустройстве. Навыки, приобретенные за долгие годы общения в колонии, помогают женщинам в выборе стратегии обхождения этого вопроса. Все, с кем разговаривали, стараются скрыть свой опыт, но не всегда это получается:

В плане репутации, конечно, очень... этим не похвастаешься. Не расскажешь. Даже вот с работы, я шла на работу и как бы устраиваться на эту, и очень думала: «Как так, не спросили, ничего». И еще такой нюанс, что *существует пробел в жизни* (курсив наш. – Авт.), да, который, ну, когда ты сидела, вот, и *этот пробел в разговоре с людьми нормальными*, которые не знают этой стороны твоей жизни, нужно чем-то заполнить, правильно?.. Вот, приходится врать. Когда открывается правда, не очень удобно перед теми людьми, которые тебе доверяли,

вот в этом случае, вот сейчас так и произошло... *Я не боюсь осуждения, в принципе, что, мне главное работа*. Говорите, что хотите, я за много лет привыкла, ну, отбрасывать, фильтровать как бы, да. Ну, хочется же, чтобы ты спокойно работала, чтобы за твоей спиной не строили козни. И притом у меня еще условный срок до июня, ну, вот он в следующем году кончится, и мне, конечно, не хочется, чтобы меня какая-нибудь коварная тетка подставила, даже не под уголовное, под административное. Я дорожу уже своей свободой, дорожу тем, что у меня есть.

Интервьюер: А вот эта новая работа, там уже знают, что ты...?

Да. Я с врачом поговорила как бы, мне же пришлось ей тоже... в некоторых случаях приходится, да. Ну, вот пошла к кардиологу, а почему, а вот так вот, а откуда такой диагноз был поставлен? Ну, не станешь же городить огород, приходится рассказывать (Лера, 31 год).

Испортить выстроенную легенду могут и «бросающиеся в глаза» документы. Например – адрес выдачи паспорта (которым может быть адрес населенного пункта, где располагается колония) или чистая трудовая книжка. Не говоря о том, что тебя могут всегда «пробить» по базам, где указана твоя судимость. Пробивают по базам часто и при трудоустройстве. Завоевание доверия и уважения своим трудом – это признание своей «нормальности», это важная победа:

И она мне: «Ты знаешь, я тут недавно узнала, что Лена Петрова ранее судима». А я вижу, что... Ну я говорю: «И что из этого? Я тоже там была». И она такая, она не думала, что я так сразу... я говорю: «Что тут такого? У Вас Лена работала, у Вас пропадали деньги? У Вас переучет, когда она делала, были недостачи?» Она говорит: «Нет». Я говорю: «Я у Вас работаю два года, у Вас было какое-то, что деньги пропали, что я там, кто-то ворвался, у меня якобы выхватил? Переучет мы делаем, были недостачи?» Нет. Она сразу: «Нет, ты что, думаешь, я тебя увольнять буду? Ты меня во всем устраиваешь. Почему ты сразу не сказала?» Я говорю: «А Вы меня сразу спрашивали? Я анкету у Вас заполняла? Нет! Я пришла, отсгажировалась, подписала с Вами трудовой договор, там, в графе договора, не было, ранее судимая или нет, скажи-ка быстро, и Вы не задавали такие вопросы. Я говорю, Вы мне сказали принести документы, и всё, и выходить на работу. Теперь какие ко мне претензии?» Она говорит: «Лик, ты мне нравишься за свою честность. Иди, всё, работай» и вот... (Лика, 31 год).

Найти свое место: возраст и поколение

Успешный «выход» и нормализация предполагают, с точки зрения окружения, возвращение в свою возрастную когорту и в свой гендерный образ. Прежде всего, это означает, что надо учиться правильно одеваться, говорить и вести себя адекватно. Особенно это проявляется в выстраивании отношений с противоположным полом:

Мне кажется, что мне 25 так и осталось, я, видимо, эти годы пропустила (курсив наш. – Авт.). Я очень боялась, что я буду одеваться, не соответствуя своему возрасту. Конечно, я до сих пор боюсь, что не правильно говорю, я, если знакомлюсь с человеком, то не могу с ним говорить. Раньше я была совсем другой, все вот эти тюрьмы и наркотики, ты себя давишь,.. на работе даже, когда с девчонками курим, я себя нормально чувствую, а когда приходят пацаны, я себя чувствую неуверенно, я не знаю, как с ними разговаривать, это барьер, я чувствую себя неуверенно. *Я хоть и одеваюсь в юбки и каблуки, я чувствую себя неуверенно* (Инна, 30 лет).

Время отсидки вычеркивается из возрастной линейки, как будто его и не было. Но при этом, подчеркивая свой специфический опыт («прошли школу жизни»), девушки ставят себя вне своего поколения. Ощущение взрослости связывается с готовностью принимать на себя тяготы жизни «нормального» человека:

Интервьюер: А насколько ты себя ощущаешь?

Мне как было 22 года, меня посадили, хотя иногда я чувствую себя гораздо старше умом, у меня взгляд поменялся. То есть мне очень многие говорят, что у тебя очень взрослый взгляд. Но иногда, когда я начинаю дурачиться, я похожа на маленького ребенка. Хочется иногда там подурачиться, побеситься, мы там с братом иногда кувыркаемся. Ну, такое можем устроить, все меньше и меньше, ну потому что все-таки много забот, проблем, это все наваливается и уже взрослые проблемы наваливаются (курсив наш. – Авт.). А когда как бы меня сажали в тюрьму, у меня не было никаких проблем, я вообще бед не знала, горя. Я что, торговала, у меня все было, наркотики были, кушать было. Я покупала, у меня была куча денег, я могла потратить на все, что я захочу. И могла вот так просто идти и показывать мне ничего не надо или вот так с прилавков в тележку сгребать, все по очереди, все, что сгребу, на кассу привезла, расплатилась, пошла, сдачу не надо. Ну, вот так, и тут я выхожу, после такой жизни, я просто за десять тысяч в месяц, конечно, тяжело.

Интервьюер: А если вот так вот со сверстниками со своими сравнивать, тоже себя старше ощущаешь?

Конечно, с теми, кто не сидел, намного, ну, лет на десять точно. *Когда я вышла, я вообще не могла общаться, они все мне казались глупыми* (курсив наш. – Авт.) (Нина, 27).

Поколенческие различия, которые производятся в колонии – специфические: «молодые девочки», наркотическое/ВИЧ-поколение, бабушки; старшее поколение, живущее по понятиям и молодые (которые могут «слить» или которые зарабатывают УДО откупом). Главные критерии выделения поколений – это «понятия» или личные принципы, а также опыт употребления наркотиков. Во второй цитате Соня называет свое поколение (27–35 лет) «героиновым»:

Раньше, допустим, у тебя ВИЧ, боже мой, что такое, там один, грубо говоря, из десяти. Сейчас один это не ВИЧевый из десяти. Ну, там вообще нет такого, ну, вот это редкость, когда, действительно, не наркоманы и не ВИЧевые, так по какой-то, может, они оплошности погуляли и себе, я не знаю, срок сделали, где-то, может, года полтора, два. А так в основном это ВИЧевые и наркоманы бывшие.

Интервьюер: То есть почти 100 процентов?

Да, 80. Ну, вот все остальные – это уже бабушки старенькие, которые там, допустим, за сына, за внука сидят, грубо говоря. Либо уже по возрасту подходят, либо совсем молоденькие девочки, которые в принципе как таковые не успели еще ни наркотики, ни в блуд этот жизненный вникнуть. Ну, вот уже попробовали...

Интервьюер: А они попадают почему?

А какая-нибудь ерунда, это тоже либо дискотечная какая-нибудь тусовка, там колеса, ну, что-то такое. Но в принципе незначительное там, грубо говоря, за ерунду. Она не разбойник, вообще девочка маленькая. Сколько там лет, 18, 19, пару раз попробовала, предложили – поторговала, все. Естественно, их сливают (Соня, 30 лет).

Выпадение из повседневности вследствие тюремного заключения, потеря своего «места» приводят к тому, что молодые женщины чувствуют себя «вне» своего поколения. Соня говорит, что не может найти себя. Она не видит себя среди тех, у кого все хорошо: есть семьи и дети, и не хочет обратно к тем, кто живет в мире наркотиков:

...Вроде ни к этим не отношусь, и уже ни к тем. Как-то вот <...> Ни к семейным, вот которые люди, да, которые уже остепенились, вот они живут, у них спокойный, размеренный образ жизни. В принципе, я к ним не могу вот как-то сунуться, и вроде не могу сунуться к людям моего опыта, потому что они живут сейчас как бы разгульно, а я не хочу. Я хочу как-то хорошую, нормальную жизнь, средненькую, пускай (Соня, 30 лет).

Вместо заключения

В нашем исследовании историй «возвращения» мы имели дело с теми молодыми женщинами, которые пытаются выстроить позитивный сценарий интеграции в общество после опыта осуждения и заключения, а в некоторых случаях – и после наркотического или длительного по времени криминального прошлого.

Реинтеграция молодой женщины, вышедшей из мест лишения свободы, происходит не с помощью функциональной утилизации имеющихся ресурсов и самодисциплинированием, а в пространстве реализации пересекающихся и параллельных пространств, времени, сообществ. Но при всей этой внешней разорванности представления о жизни и о себе образуют преемственную картину жизненного мира, в котором новый опыт

соотносятся с предыдущим. Усилия или намерения изменить жизнь становятся частью конкретнейшей биографической ситуации, со своими возможностями и ограничениями влияния на происходящее.

«Выход» из колонии не всегда обозначает момент возвращения. Преодоление инерции тюремного быта и сложившихся паттернов выстраивания взаимоотношений и образа себя может происходить параллельно с поиском «своего места». Это сложный и длительный процесс тестирования себя и разных социальных сценариев. Помимо этого, во многих случаях (особенно когда заключение происходит уже не в первый раз) вопрос о возвращении переформулируется другим образом – «как бы не вернуться обратно в колонию». «Выход» может быть связан не только с выходом из тюрьмы, а с переосмыслением всей предыдущей жизни.

Ситуация, условия и факторы процесса «вхождения» описываются в индивидуальных терминах. Обобщаемые в одной категории, осужденные и содержащиеся под стражей в колонии – люди с очень разными историями, мотивами, намерениями и путь их обратно в общество также не поддается обобщению. «Ступеньки», которые помогают удержаться и не скатиться, находятся в контексте биографии женщины. Доверительные отношения с ближайшими родственниками, успешное переключение восприятия ритма пространства и времени, нахождение модели «своего места» способны стать теми экзистенциальными опорами, которые помогают «вернуться».

Поиск «своего места» включает вопросы как рутинизации *Этой* повседневности, так и встраивания в гендерные и возрастные ожидания. И то, и другое возможно в ограниченном «нормализованном» репертуарном диапазоне – семья, ребенок. Молодые женщины 25–30 лет оказываются вытолкнутыми из своего возраста и лишеными всех ресурсов, необходимых для выстраивания позитивного биографического проекта молодой женщины: удачное замужество, рождение ребенка, определенный потребительский стандарт, документ о среднем специальном или высшем образовании.

В свою очередь государственные программы трудоустройства, психологической и социальной поддержки женщин, вышедших из заключения, не обладают достаточными материальными и кадровыми ресурсами, чтобы охватить всех, нуждающихся в этой помощи. Кроме того, имеющиеся программы по ресоциализации, которые должны производить нового «нормального» человека, не учитывают того, что человек интегрируется в такую же подвижную и не всегда нормализованную и стигматизирующую реальность, которая складывается из целого ряда вариативных сценариев. То есть не менее важно и встречное движение «общества» в готовности «принять» людей, освобождающихся из заключения, что остается крайне проблематичным, несмотря на то, что большая часть населения «там» уже побывала. Современное российское общество, склонное к гомогенизации и выталкиванию *Другого* на периферию так, чтобы он был невидимым и неслышимым, отгораживается от тюремной проблемы.

Соответственно, женщины, вышедшие из заключения, приспособившись к этому факту, первым делом маскируют свои внешние отличия, инсценируют нормальность еще не овладев необходимыми компетенциями, заполняют «пробелы» своей биографии выдуманными историями.

Конечно, трудоустройство и предоставление жилья – это минимальные условия, необходимые для того, чтобы начать реализовывать ожидания внешнего окружения по «самонормализации». Но помимо этого женщинам предстоит индивидуальная работа приведения себя в соответствие со многими ожиданиями и преодоления самого факта криминального опыта. Специфическая «субъективация», состоявшаяся в заключении и детерминированная условиями изоляции и исправления, имеет своим результатом возникновение особых установок и качеств размышления о себе и своей жизни, а также отставания себя. Но эта модель работает в формате изоляции исправительного учреждения и проблематична «на воле». «Выход» и «возвращение» – это непростой процесс перехода, который мог бы быть менее сложным, если бы сама пенитенциарная система была устроена на других основаниях.

Список источников

- Альперн Л. Сон и явь женской тюрьмы. СПб.: Алетейя, 2004.
- Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992.
- Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.
- Женщины в российской тюрьме: проблемы, свидетельства, взгляд изнутри (человек и тюрьма): сб. материалов / сост. Л. Альперн. М.: Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 2000.
- Иванова Г. Женщины в заключении (историко-правовой аспект) // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 270–284.
- Ле Кэн Л. Этнографическое исследование в тюрьме. От «роли» заключенного к поискам идентичности осужденного // Социальная антропология во Франции. 21 век / под ред. Б. Петрика и Е. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 217–237.
- Маколи М. Дети в тюрьме. М.: ОГИ, 2008.
- Олейник А. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.
- Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–8 ноября 2009 г. / под общ. ред. Ю. И. Калинина; под науч. ред. В. И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
- Официальный сайт ФСИН на 25.10.2012 // <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>
- Преснякова Л. Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 38–50.

Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Шюц А. Избранное: Мир, священный смыслом / пер. с нем. и англ. М.: РОС-СПЭН, 2004.

Ясавеев И. «Сижу за решеткой». Медиаобразы российских заключенных // Журнал исследований социальной антропологии. 2010. Т. 8. № 1. С. 53–68.

Carlen P. Death and Triumph of Governance: Lessons from the Scottish Women's Prisons // Punishment and Society. 2001. Vol. 3. № 4. P. 459–471.

Carlton B., Segrave M. Women's Survival Post-Imprisonment: Connecting Imprisonment with Pains Past and Present // Punishment & Society. 2011. 13. С. 551–570.

Howe A. Punish and Critique: Towards a Feminist Analysis of Penalty. London: Routledge, 1994.

Kruttschnitt C., Gartner R. Marking Time in the Golden State: Women's Imprisonment in California. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Maruna S., Copes H. What Have We Learned from Five Decades of Neutralization Research? // Crime and Justice: a Review of Research / ed. by M. Tonry. Chicago, IL: University of Chicago press, 2005. P. 221–320.

Rowe A. Narratives of Self and Identity in Women's Prisons: Stigma and Struggle for Self-Definition in Penal Regimes // Punishments and Society 2011. Vol. 13. № 5. P. 571–591.

Pollack Sh. "You Can't Have it Both Ways": Punishment and Treatment of Imprisoned Women // Journal of Progressive Human Services. 2009. 20. P. 112–128.

Sykes G. Society of Captives: a Study of Maximum Security Prison. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958.

Sykes G. M., Matza D. Techniques of Neutralization: a Theory of Delinquency // American Sociological Review. 1957. 22 (6). P. 187–204.

Taylor Ch. Sources of the Self. Cambridge UP: Cambridge, 1989.

Омельченко Елена Леонидовна

доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии, директор
Центра молодежных исследований в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге,
директор НИЦ «Регион», Санкт-Петербург, Россия

электронная почта: omelchenko@mail.ru

Сабилова Гюзель Ансаровна

кандидат социологических наук, заместитель директора Центра молодежных
исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге,
научный сотрудник НИЦ «Регион», Санкт-Петербург, Россия

электронная почта: guzelsabir@gmail.com

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И РЕАЛИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Т.Л. Баранова

Теоретическая рамка анализа опирается на обзор подходов к (пере)осмыслению феномена наказания как властно-политической практики, сформированной в согласии с ценностями государства, а также на анализ международных документов, на основе которых реализуется защита прав в пенитенциарной системе. Анализируется ситуация соблюдения прав человека в пенитенциарных учреждениях России на основе изучения материалов деятельности и докладов региональных уполномоченных по правам человека (УПЧ) за период с 2001 по 2011 год. Материалы рассматриваются не только как отражение социальной реальности в пенитенциарной системе России, но и как фундамент политического управления. Институциональные позиции УПЧ в работе со структурами исполнения наказания, возможности мониторинга обращений из системы ФСИН и восстановительной деятельности по жалобам положены в основу анализа, который базируется на выделении с одной стороны, видов основных нарушений прав заключенных и механизмов работы по восстановлению в нарушенных правах, с другой.

Ключевые слова: государственная власть, система исполнения наказаний, пенитенциарные техники, биополитика, нарушения и защита прав заключенных, институт уполномоченных по правам человека

(Пере)осмысление наказания в контексте современности: лишение свободы или свобода от лишений?

В середине XX века научная рефлексия повлекла за собой реформирование пенитенциарных систем в большинстве европейских обществ. Реформы стали следствием переосмысления как состояния самих институтов ре-